

Последние дни служения Христа

«Прииде час, да прославится

Сын Человеческий!»

Выйдя из внутренних притворов храма, Иисус Христос остановился у дверей внешнего притвора женщин и сел отдохнуть против ящика, в который богомольцы клали деньги, глядя на проходящий народ. Клали многие весьма много, иные из усердия, а иные (фарисеи) и по тщеславию. Господь безмолвствовал. Между тем подошла к ящику одна бедная вдова и положила две лепты (полушки).

Глава 8 из книги «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа»

По всему видно было, что она отдавала последнее. Для людей с фарисейским чувством такой дар показался бы несостоящим внимания. Но Господь взирал не на деньги, а на сердце дающих: поступок вдовы был для Него многоценен. Подозвав к Себе учеников, как бы желая разделить с ними дорогую находку, – «смотрите, – сказал Он им, – эта бедная вдова более всех положила в сокровищницу!»

Святитель Иннокентий Херсонский

Ученики дивились, не понимая сказанного. «Прочие, – продолжал Господь, – клали от избытка, а она от скудости; те жертвовали храму тем, без чего могут обойтись а она пожертвовала все, что имела, – может быть, последний кусок хлеба» (Лк.21:1–4).

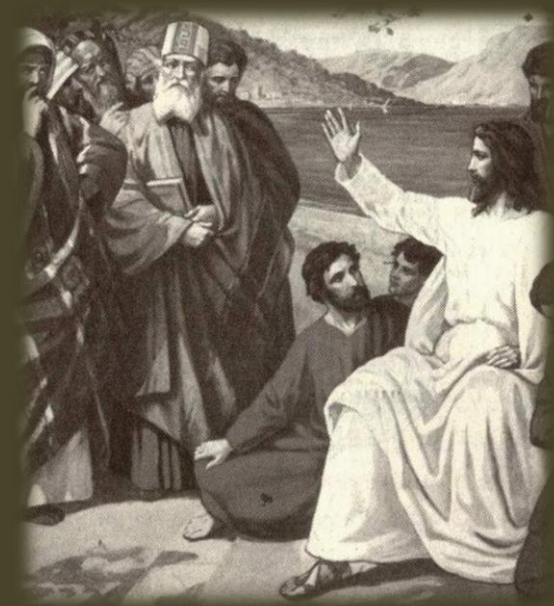
Замечание, сделанное о поступке вдовицы, открывает характер не только ее, но и в некотором отношении Самого Иисуса. Поучительно видеть, как сам отдых Его служил к пользе и как Он не оставлял без внимания самых обыкновенных случаев, коль скоро в них выражалось что-либо поучительное. Не таковы были фарисейские учителя! Они постоянно занимались маловажными вещами, но, не умея извлекать из них ничего важного, сами сделались странными и жалкими.

Когда Сын Человеческий с невозмутимым спокойствием духа в самые решительные минуты служения Своего обращал внимание на столь незначительные, по-видимому, вещи, как лепта вдовицы, невидалье среди многочисленного, наполнявшего все храмо-

вые притворы народа само собой произошло событие, которое стало самым достойным завершением Его земного служения на поприще Мессии.

В числе пришедших со всех стран света на праздник богомольцев было немало и эллинов, которые, поняв тщету идолослужения языческого и приняв иудейское верование во единого Творца природы и Правителя мира, хотя не принимали на себя еще всего ига обрядового закона иудейского, но почитали своим долгом являться по временам в Иерусалим для принесения жертвы Иегове.

Иудеи, особенно ревнители буквы закона, смотрели на своих прозелитов не совсем благосклонными очами, так как они большей частью не имели и не хотели иметь самого первого знака потомков Авраамовых – обрезания, и потому не допускали их до ближайшего участия в своих религиозных священнодействиях, ограничив самое вхождение их в храм внешними притворами.

Но что между этими новыми получадами Израиля были люди с добрым сердцем, со светлыми мыслями, с настроением духа возвышенным и открытым для всего истинно-полезного и душе-спасительного, за это ручается уже неудовлетворенность языческим богослужением и склонность к вере в Бога Авраамова: ибо народ иудейский, рассея-

ный по всему тогда известному свету, по своим нравственным качествам, не мог свидетельствовать в пользу своей религии.

Тем естественнее было таким людям обратить внимание на великого Пророка Галилейского, Который, кроме того что славился всюду чрезвычайными чудесами, был в Своих беседах несравненно выше всех тогдашних учителей закона Моисеева и оказывался еще основателем нового вероучения, уже не зависящего, подобно Моисееву, от местности и народности иудейской и сообразного с существенными потребностями всего рода человеческого.

Всенародная решительная прерва, открывшаяся со времени воскрешения Лазаря между верховным правительством иудейским и Иисусом Христом, различные толки о Нем многочисленного, собравшегося на праздник народа делали Его еще более интересным в глазах прозелитов, давно расположенных ко всему новому и необыкновенному.

И вот некоторые из них, движимые и чувством сердца, ищущего истины и успокоения, и любопытством, свойственным эллинам, услышав, что великий Пророк и Чудотворец находится теперь во храме, желанием возжелали видеть Его, и быть Ему представленными.

Но как это сделать? Кроме того, что прозелитам позволено было входить не во всякий притвор храма, их могла останавливать и та мысль, что, может быть, при настоящих затруднительных обстоятельствах великому Учителю Галилейскому, со всех сторон подстерегаемому врагами, неужгодно будет вступить открыто в сношение с полуязычниками, чужестранцами.

Почли за лучшее сообщить Ему о своем желании – увидеться с Нем – и для этого обратились с просьбой к одному из учеников Иисусовых (Филиппу), с которым, по прежнему месту жительства его (Вифсаиде), были немного знакомы. Евангелист дает ясно по-

нять, как эллины дорожили этим ходатайством, когда говорит, что «моляху его, глаголюще, хощем Иисуса видети».

Способ, которым Филипп постарался исполнить их желание, по-видимому, столь простое, невинное и удобное, показывает, что и он сам находил исполнение его, при настоящих обстоятельствах, сложным. Вместо того чтобы прямо идти и сказать Учителю, что эллины хотят видеть Его, он, по словам евангелиста, почел за лучшее обратиться за советом к Андрею (Ин.12:22); и потом уже, сообразно всем обстоятельствам дела и решившись действовать вместе, оба доложили Учителю о желании эллинов.

И Учитель нашел дело немаловажным, нашел его даже несравненно более важным, чем воображали ученики, только совсем по другим причинам. Богосветлый взор Его в этом случайном, по-видимому, появлении эллинов с их желанием тотчас увидел предуготованное самим Промыслом событие, которым должно было достойным образом завершиться земное служение Его спасению народа иудейского в качестве Мессии, ему обещанного, и начаться великое крестное служение спасению всего падшего рода человеческого. Всего несколькими минутами раньше

Он сказал, что виноград, который столь худо соблюдали вожди народа иудейского, предан будет другим делателям, что Царство Небесное отнимется у недостойных потомков Авраама и дастся языку, творящему плоды его (Мф.21:43); и вот эллины, как первенцы собираемой от язык Церкви, являются теперь как бы для того, чтобы в сей же час из собственных уст Его принять завет новый и предначать вступление в наследие завещанного царства.

Итак, пришел час, великий, страшный, но неотвратимый час – положить конец делу, продолжавшемуся уж более трех лет! Надо, оставив бесплодные усилия над обращением дщери Сионовой,

обратиться к язычникам, жаждущим вступить в права чад Божьих, так долго им неведомые. Время, оставив путь проповеди, вступить на путь креста, вознестись от земли, чтобы привлечь всех способных подняться горе и открыть для всех последователей Своих путь новый и живой (Евр.10:19), путь смирения, самоотвержения и вольного распятия духа и плоти.

В этих мыслях (если только наши слабые мысли, извлекаемые из Писания и св. отцов, могут сколько-нибудь, хоть издали, приближаться к чистоте и высоте помыслов, наполнявших в те священные минуты душу Богочеловека) Он подымлет очи к небу и, не обращая внимания на эллинов (которые, вероятно, приблизились в это время по знаку, данному Филиппом и Андреем), как бы на весь мир восклицает:

«Прииде час, да прославится Сын Человеческий! Аминь, аминь глаголю вам, аще зерно пшенично, пад на землю, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит. Любяй душу свою, – продолжал Господь, – погубит ю; а ненавидяй душу

свою в мире сем, в животе вечном сохранит ю. Аще кто Мне служит, Мне да последствует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет; и аще кто Мне служит, почитит его Отец Мой».

Все это, как показывает самое свойство мыслей и слов, было произнесено с выражением величия, подобающего Сыну Божьему. Но вдруг светлый взор Его покрылся как бы неким сумраком печали. По Божественному лицу Его видно было, что в душе Его одно чувство быстро сменяется другим, и происходит как бы некое сильное внутреннее движение и борьба (см. Злат. Бесед, на Ин).

«Ныне, – продолжал Он после некоторого молчания, – ныне душа Моя возмутися... и что реку? Отче, спаси Мя от часа сего! Но сего ради приидох на час сей!»

Можно представить, как неожиданно и поразительно было не только для народа и эллинов, но и для самых учеников Иисусовых подобное необыкновенное состояние души их Учителя. Но священная величественность тех минут запечатала все уста молчанием. Между тем взор Господа снова заблестал небесным светом.

«Отче, – воскликнул Он как бы одержав внутреннюю победу, – прослави имя Твое!»

«Прославих и паки прославлю», – загремело в ответ с неба. Стоявшие в отдалении подумали, что это внезапный гром (так глас был силен и не похож ни на что земное), а стоявшие вблизи, слыша членораздельный голос, почли это за вещание ангела. В недоумении и страхе все взирали на Иисуса, ожидая, что будет (не последует ли, напр., какое-либо явление, или по крайней мере продолжение столь необыкновенной беседы с небом).

«Не Мене ради глас сей бысть, – вещал Господь ученикам, – но народа ради: ныне суд есть миру сему, – продолжал Он, как бы в изъяснение чуда, – ныне князь мира сего изгнан будет вон... И аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе...»

Последние слова изрек Господь, по замечанию евангелиста, назнаменуя, коей смертью хотяше умерети (Ин.12:33). В таком точно смысле и принял их народ, хотя мысль о смерти Мессии, какой бы то ни было, тем паче крестной, была совершенно противна народному верованию, представлявшему себе Мессию бессмертным.

В другое время такое явное и резкое противоречие народному предрассудку заставило бы народ тотчас возмутиться и, может быть, взять в руки камни, как это бывало в подобных случаях (Ин.10:31); теперь, после гласа с неба, удовольствовались скромным выражением своего недоумения, прикрыв его еще личиной закона.

«Как же мы слышали, – сказали некоторые, – из закона, что Мессии надобно пребывать во веки, а Ты говоришь, что должно быть вознесу Сыну Человеческому? Кто этот Сын Человеческий? (то есть не другой ли кто, отличный от Тебя, Который являешься Мессией, или Ты Сам не Мессия, а только предтеча его?)»

Подобные вопросы могли служить поводом для пространного собеседования и обширных объяснений. Но теперь не время уже было вступать в такие объяснения. Господь почел достаточным, не касаясь догматической стороны предмета, преподать народу одно нравственное наставление.

«Еще мало», – сказал Он, – «свет в вас есть: ходите, дóндеже свет имате, да тьма вас не имет: ходяй во тьме, не весть, камо идет. Дóндеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете!»

(То есть спешите пользоваться в простоте сердца тем, что вы видите и слышите от Меня и через Меня, не увлекаясь сомнениями, не предаваясь вопросам, не тратя времени, которого остается так мало.)

Как бы в доказательство того, что сказал Господь, то есть что это последнее Его наставление, Он, сказав, тотчас отошел от народа и сокрылся (Ин.12:36).

Так заключилось более нежели трехлетнее поприще всенародного служения Иисусова в качестве обещанного народу иудейскому Мессии и Учителя истины. Какое величественное соответствие между началом и концом служебного поприща Иисусова!

Там глас с неба на Иордане, и здесь глас с неба при храме; там и здесь и для торжественности и «народа ради», – чтобы среди настоящих и еще более наступающих, крайне трудных и смутных обстоятельств, дать ему твердую опору для веры и поведения,

чтобы он сей глас с неба мог противопоставить гласу от земли – своего недостойного синедриона.

С этой точки зрения настоящие минуты были минутами самыми величественными, минутами решения участи всех и каждого из иудеев. В гласе с неба изрекался суд и осуждение главам народа иудейского, не хотевшим расстаться со своими выгодами, – книжникам и мудрецам иудейским, упорствовавшим в своих предрассудках: фарисеям с их лицемерим, саддукеям с их чувственностью, ессеям с их ложной противообщественной набожностью – всем и каждому, кто, видя перед собой в таком избытке свет небесный, смежал очи, чтобы не видеть.

Мессия должен был сделать, со Своей стороны, все, чтобы быть признанным от народа иудейского, Его ожидавшего, – и сделал!

Не говоря о трехлетнем служении, о непрестанной проповеди, о многочисленных всякого рода чудесах, довольно было последних событий, чтобы узнать в Нем всем и каждому обетованного Избавителя мира: для того именно воскрешением Лазаря возбуждено было всеобщее внимание как нельзя более; торжественным входом в Иерусалим и принятием от детей «осанна Сыну Давидову» – сделано было всенародное объявление о Своем великом достоинстве как нельзя яснее; наконец настоящим гласом с неба (таким знамением особенно дорожили иудеи) (Мф.16:1, 12:39), положена на все служение Иисусово такая Божественная печать, вернее которой нельзя и вообразить; после этого для неприемлющих Его не было никакого извинения, оставалось одно осуждение, по мере виновности каждого.

Но это осуждение не останавливалось на осужденном мире (человеческом), который при всей виновности своей все еще имел время к покаянию, а следовательно помилованию (Ин.16:8–11): нет, оно простиралось далее и сокрушительной силой своей все-

цело падало на гордую главу князя мира, того човекоубийцы искони (Ин.8:44), который, не сохранив собственного достоинства в высших областях мироздания, но оставив самовольно свое жилище (Иуд.6), ниспал в бездну унижения и бедствия и потом, не желая через покаяние возвратиться к своему природному месту и первому достоинству, замыслил злобно свергнуть с престола новосотворенного владыку земли, прародителя человеков, и, достигнув этого посредством обольщения, занял незаконно его место – владыки над миром.

Провидя в Иисусе Христе будущего разрушителя своего темного царства, он в самом начале служения Его не преминул явиться перед Ним с искушением в пустыне (Мф.4:1–11), во время Его пощения; не успев в своем кове, ставил потом, где мог, преграды Его проповеди; возмущал мирные сердца Его учеников (Мф.16:23), овладел одним из них до того, что обратил его из апостола в сосуд погибели, и воздвиг теперь синадрийон на преследование Его именем Самого Бога Израилева.

Во всех этих случаях премудростью Божьей предоставлена была этому врагу Бога и людей, по-видимому, свобода действовать так, как он хотел и мог: Сын Человеческий также не противопоставлял ему видимо со Своей стороны неприступной славы Своего Божества, сражался с ним одним смирением и преданностью воле Отца Своего.

Несмотря на это, царство света своей внутренней силой явно брало везде верх над царством тьмы; малое стадо, которому завещано царство (Лк.22:29), росло, привлекая к себе отовсюду членов; Сын Человеческий совершил все, что было нужно для основания Церкви Своей так, чтобы и врата адовы не одолели ее; оставалось только вознестись на крест, принести Самого Себя в жертву за род человеческий, чтобы потом принять, и по челове-

честву Своему, власть над небом и землей, сделаться посредником Бога и людей, Богопоставленной главой всего мира.

После того и вместе с тем князь мира, этот древний самозванец, сам собой лишился незаконного владычества над миром и изгонялся вон, в свое место – во тьму кромешную.

Имея в виду такое всемирное значение настоящего события, Господь, кажется, не вступал в непосредственную беседу с эллинами. Впрочем, для них довольно было и того, что они видели и слышали. Глас с неба должен был прекратить всякое колебание их мыслей касательно лица Иисусова и возбудить веру в Него яко Сына Божьего.

Предостережением, что светильнику недолго остается гореть на свещнике, давалось знать и эллинам так же, как и иудеям, чтобы не медлили делом своего спасения, а многозначительными словами «любяй душу свою, погубит ю», указывался главный путь к этой цели – самоотвержение христианское.

Напоминание об участи, ожидающей князя мира, кажется, и сделано преимущественно для эллинов; ибо его владычество нигде так не свирепствовало, как между язычниками, где он под видом истуканов принимал поклонение и жертвы и давал свои откровения. Все это теперь должно было прекратиться: проповедники Иисуса Распятого обойдут весь мир с крестом, разрушат им всех идолов и распространят поклонение Богу истинному. Мысль отрадная для тех из эллинов, которые давно жаждали этого благодеяния!

Обращая, наконец, внимание на душевное состояние при этом случае Иисуса, тотчас видишь, что оно было самым необыкновенным. И можно ли было без особенно глубокого и сильного чувства окончить такое поприще служения, каково было поприще

Сына Человеческого?.. Но это чувство могло быть различно, в зависимости от результата.

Как бы оно было радостно, если бы дочь Сионя, наставляемая столько времени и с таким усердием, уразумела наконец день посещения своего (Лк.19:42)! Но она не уразумела его! Не уразумела до того, что в ослеплении готовится вознести на крест возлюбленного Жениха своего! Ужасная участь, которая постигнет ее за это преступление, вызвала уже, как мы видели, слезы на очах Господа во время входа Его во Иерусалим.

Столь же естественно представление этой участи теперь приводит душу Его в горестное смущение. Рассматриваемый с этой стороны крест, Его ожидающий, сам по себе тяжелый, представляется Ему еще тяжелее и ужаснее: ибо вместо того, чтобы на нем пригвоздить одно раздранное и изглаженное рукописание общих грехов всего мира (Кол.2:14), теперь на нем же надо будет пригвоздить и новое рукописание тяжкого греха и осуждения возлюбленной дочери Сионовой.

Можно ли было не пожелать противного, не сказать от полноты чувства: «Отче, спаси Мя от часа сего!» Впрочем, мы бы уклонились от всех правил исторического толкования слов Спасителя, если бы отважились утверждать, что это горестное восклицание, как бы невольно вырвавшееся из стесненного чувствами сердца, нисколько не было в Богочеловеке следствием самой природы человеческой, естественно и необходимо отвращающейся страданий и смерти.

И. С. Никитин. "Моление о Чаше"

Напротив, борьба со страхом смерти была не чужда Ему, даже как Искупителю рода человеческого, как Вождю всех искушаемых и спасающихся: итак, если бы кто почему-либо выпустил бы из вида эту черту, то тем самым, дерзнем сказать, не украсил бы, а исказил черты Искупителя в Его Божественном лице. Ибо этот самый страх, по

глубокому замечанию апостола (Евр.5:7), служил к последнему величайшему искушению для второго Адама, победив которое, Он явил в Себе всю полноту совершенства, в которой ничего не оставалось желать более (Евр.2:10).

В самом деле, как бы Божественное Начало – вождь спасения нашего мог всем искушаемым помогать, даже знать их состояние, если бы Сам, говоря словами апостола, не был «искушен по всяческому» (Евр.4:15), не испытал на Себе всего, кроме греха? И как бы можно было сказать, что Он испытал все, если бы Он не испытал страха мучений и смерти, этого последнего и величайшего искушения для слабого естества нашего?

К счастью нашему, Он испытал его, испытал теперь; еще более испытает после, в саду Гефсиманском, где искушение это достигнет самой высшей степени и потребует для побеждения троекратной молитвы и – ангела укрепляющего!

Там и мы доскажем об этой, самой возвышенной, поучительной и таинственной стороне в жизни и страданиях Богочеловека то, что, по указанию апостолов Христовых и святых отцов, может быть сказано об этом общепонятно.

А здесь и теперь заметим только, для руководства при рассмотрении наступающих действий и состояния Богочеловека, что как доселе, в качестве Мессии и predetermined Царя Израилева, Ему прилично было действовать и учить со властью (Мк.1:22. Мф.7:28), являть даже видимо Свое величие: так теперь, со вступлением в новый круг действий, в качестве Агнца Божьего, вземлющего грехи всего мира, – Ему надлежало принять на Себя во всей полноте характер жертвы, ведомой на заклание, каким действительно мы и увидим Его в остальных днях Его жизни.

Святитель Иннокентий Херсонский

